

Глава I

Семь цветов радуги

Летом 1808 года России приходилось воевать на два фронта: на севере со Швецией и на юге - с Турцией, но Петербург, несмотря на то, что стал почти театром северо-восточных действий, которые были очень близки к нему, продолжал жить своей обыкновенной столичной жизнью, даже мало отличавшейся от зимней, потому что двор не выезжал на дачу...

Государь император Александр I жил на Елагином острове в летнем маленьком дворце, бывшем доме масона Елагина, где, как говорили, сохранилось все, что касалось масонства.

Наиболее богатые из общества разместились на островах - на Каменном и на Крестовском, в особенности, те, кто имел тут свои дачи, и на Черной речке, считавшейся тогда самым аристократическим летним местопребыванием.

Здесь деревянные дома были построены на манер каменных, в так называемом "итальянском вкусе", окружены цветниками и подстриженными деревьями, а в прозрачные тогда воды Черной речки гляделись сентиментально-поэтические плакучие березы, спускавшие свои ветки над гранитными урнами, статуями и плитами с таинственно загадочными надписями.

Такова тогда была мода.

В средних числах июня к одному из таких домов на Черной речке подъехала карета и из нее вышел господин в летнем полосатом фраке - наиболее употребительной тогда одежде - с высоким жабо и в круглой шляпе с большими полями.

Он поднялся по ступенькам крыльца твердой, уверенной походкой и, когда, завидев его, выбежали два лакея в ливерях и в пудре, спросил у них:

- Аркадий Ипполитович Соломбин дома?

Лакеи удивленно оглядывали господина как совершенно незнакомого и с первого взгляда не внушавшего особенного доверия.

В самом деле, хотя его костюм и легкая английская карета были безукоризненны, тем страннее казались на таком господине огромные синие очки, целиком, почти с бровями закрывавшие его глаза, и, главное, неприятно поражали пряди жестких рыжих волос, ниспадавших из-под полей его шляпы.

Такой щеголь, каким был господин, приехавший в английской карете, должен был по тогдашней моде, во-первых, коротко стричь свои волосы, а во-вторых, носить никак не синие очки, а изящную золотую лорнетку...

Лакеи замялись, но все-таки старший из них спросил заинтриговавшего их приезжего:

- Как прикажете доложить?

- Доложи: Иван Михайлович Люсли, - приказал господин.

Лакей, видимо, никогда не слыхавший такой фамилии, снова выказал сомнение.

Тогда господин, называвший себя Иваном Михайловичем Люсли, достал бумажник, вынул оттуда визитную карточку, дал ее лакею и велел отнести.

Эта визитная карточка оказалась не совсем обыкновенной, она была отпечатана фиолетовой краской и в углу ее стояли буквы: "В.П.О."

Лакей, отправившийся докладывать с карточкой, вернулся так быстро, как только мог, и кинулся к гостю с такой предупредительностью, что сразу было видно, что хозяин просить велел.

Не успел господин Люсли снять свою шляпу, как навстречу ему показался Аркадий Ипполитович Соломбин, человек весьма привлекательной наружности с мягкими, красивыми манерами.

- Милости прошу, добро пожаловать, - заметил он на великолепном французском языке, на котором не только говорили, но и думали в аристократическом русском обществе тогда. И он с поспешностью повел приезжего, показывая ему дорогу:

- Сюда, сюда, пойдемте ко мне в кабинет, - пригласил он, растворяя дверь.

Люсли следовал за ним, не меняя выражения лица, казавшегося совсем неподвижным благодаря огромным своим очкам.

Они вошли в кабинет.

А